

УДК 1.100.091

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ  
ПЕРВОГО ПРИНЦИПА  
СПРАВЕДЛИВОСТИ  
ПО ДЖОНУ РОЛЗУ**

**Н. А. Шавеко\***

Рассматривается первый из двух принципов справедливости, предложенных американским философом Джоном Ролзом в качестве универсальных принципов устройства базовых социальных институтов, которые выбрал бы каждый разумный и рациональный человек в ситуации «исходного положения». Анализируются проблемные аспекты формулировки данного принципа (неопределенность перечня основных прав и свобод, а также ценностного критерия их ранжирования между собой) и способы, которыми Ролз пытается их преодолеть в работах, изданных после ставшей широко известной «Теории справедливости». Проводится анализ измененной формулировки первого принципа справедливости в поздних работах Ролза. Дискутируется проблема соотношения свободы и безопасности, указывается на недостаточное ее исследование Ролзом. Утверждается, что отстаиваемый Ролзом абсолютный приоритет первого принципа справедливости над вторым дискуссионен, более убедительными являются те или иные вариации правила относительного приоритета. В контексте проблемы ограничения свобод анализируется критика Ролзом религиозного и иного экстремизма, а также его доводы против перфекционизма и рабства. В целом положительно оценивается предложенная Ролзом исправленная формулировка первого принципа справедливости, одновременно высказывается точка зрения, что принципы справедливости должны учитывать нравственные принципы, в число основных прав и свобод следует включить права и свободы в области образа личной жизни и семьи, воспитания и рождения детей, а приоритет должны получать те свободы, которые способствуют развитию чувства справедливости и претворению нравственного идеала. Помимо этого делается вывод о том, что Ролз убедительно показал относительность ценности демократических институтов.

**Ключевые слова:** Ролз, теория справедливости, принцип равных свобод, либерализм, права человека, демократия, свобода и безопасность.

Джон Ролз (1921–2002) — американский философ, известный прежде всего своей работой «Теория справедливости»,

---

\* Удмуртский филиал Института философии и права УрО РАН, 426004, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4.

Поступила в редакцию: 07.04.2017 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2017-4-1

© Шавеко Н.А., 2017

в которой он развил идеи И. Канта и предложил процедурную интерпретацию «категорического императива» на основе идеи поиска «рефлексивного равновесия» наших интуиций и суждений в процессе дискурса о справедливости.

Дж. Ролз утверждает, что каждый человек в «исходном положении», то есть в ситуации, когда он не знает, к какой социальной группе он относится, какими способностями обладает, в каком обществе живет, какие доходы имеет или может иметь, выбрал бы следующие два принципа справедливости:

1. Каждый индивид должен обладать равным правом в отношении наиболее обширной системы равных основных свобод, совместимой с подобными системами свобод для всех остальных людей.

2. Социальные и экономические неравенства должны быть организованы таким образом, чтобы они одновременно:

а) вели к наибольшей выгоде наименее преуспевших (принцип различия), в соответствии с принципом справедливых сбережений, и

б) делали открытыми для всех должности и положения в условиях честного равенства возможностей (Ролз, 2009, с. 267).

Одновременно автор предлагает нам правила приоритета, действующие между этими принципами. Если коротко, правила приоритета означают, что принцип равной свободы (1) приоритетнее принципа честного равенства возможностей (2б), а последний приоритетнее принципа различия (2а). И каждый из этих принципов приоритетнее принципа эффективности (утилитаризма).

Предполагается, что приведенные принципы справедливости объективно истинны вне зависимости от того, что думают о них в обществе конкретные люди (даже если это большинство), хотя, безусловно, законодатель должен учитывать мнения людей для того, чтобы принимать такие законы, которые при конкретных условиях максимально воплощают справедливость (Ролз, 2009, с. 237). Первый из вышеназванных принципов выражает идеалы классического либерализма, а второй — поправки к нему в духе воззрений социального либерализма, согласно которым важно обеспечить людям равные возможности для замещения должностей и реализации своих прав.

Первый принцип справедливости (максимизация равных основных свобод) означает, что некоторые основные свободы не являются предметом торга, должны быть количественно максимизированы в равной степени для всех и не могут быть уменьшены взамен на какие-либо другие блага. Так, автор пишет, что «если бы была возможна большая свобода для всех, без потерь и конфликтов, было бы нерационально довольствоваться меньшей свободой. Нет причины ограничивать права, если только их реализация не является взаимно несовместимой или не делает определяющую их практику менее эффективной» (Ролз, 2006, с. 37). Наказание как ограничение свобод существует не в качестве возмездия и кары, а ради торжества самой свободы (Ролз, 2009, с. 215). Для установления многих свобод, конечно, нужно достигнуть высокого уровня развития общества, в том числе материального, но если свободы уже установлены, то их отмена возможна только в связи с тем, что сохранение одной свободы будет препятствовать реализации других свобод, и отсылки к материальному благосостоянию уже неуместны (Алексеева, 1991, с. 76).

О. Хёффе считал, что первый принцип справедливости по Дж. Ролзу соответствует «всеобщему принципу права» И. Канта: произвол одного должен быть совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы (Höffe, 2015, S. 236). Вместе с тем позиции Канта и Ролза могут подвергаться различным трактовкам, поэтому данный вывод не абсолютен.

Принцип максимизации равных основных свобод вызывает некоторые трудности, в первую очередь потому, что неясно, какие именно свободы относятся к основным. Ролз, с одной стороны, утверждает, что перечень основных свобод зависит от конкретного общества, его правовых традиций и устанавливается на конституционной и законодательной стадиях, но в любом случае должен быть дан с достаточной точностью, чтобы поддерживать развиваемую автором концепцию справедливости (Ролз, 2009, с. 67; Алексеева, 1991, с. 118). Но одновременно Ролз уделяет особое внимание некоторым свободам, представляющимся ему основными и всегда необходимыми (*свобода совести, мысли и слова, объединений, политические свободы, такие как право голоса и право занятия должностей, частная собственность и личная неприкосновенность, а также отсутствие произвольных арестов, обеспеченное правлением закона*) (Алексеева, 1991, с. 89–90; Nickel, 1994, p. 766–767). В итоге получается, что всегда есть некий стабильный список свобод. Причем в этот список, как отмечают исследователи, отчего-то не вошли: 1) право на безопасность; 2) свободы в области семьи, воспитания и рождения детей, в выборе образа жизни (свобода передвижения, личная тайна) (Nickel, 1994, p. 767).

Другая трудность, как нам кажется, состоит в том, что основные свободы должны каким-то образом ранжироваться между собой. Так, если мы ограничиваем одну основную свободу ради расширения другой основной свободы, то мы, вероятно, должны понимать, какая из этих свобод важнее, в противном случае в выигрыше несправедливо окажутся лишь избранные (Кузьмина, 1998, с. 85–86). Г. Харт обращал внимание, что для одних важнее право собственности, а для других — свобода передвижения, которой право собственности отдельных лиц может препятствовать, и вряд ли здесь возможно достичь согласия (Hart, 1973, p. 547). Первоначально Ролз полагает, что основные свободы должны быть сбалансированы так, чтобы обеспечить максимум «общей суммы» свобод (Алексеева, 1991, с. 75), то есть одни свободы можно ограничивать ради других, но в целом основные свободы должны быть максимизированы. В последующем Ролз уточняет, что речь идет не о максимизации *количества* свобод, а о том, что в рамках некоторой «системы основных прав и свобод», доступной всем в равной степени, свободы могут не обладать для всех равной ценностью и не быть обеспечены равным образом (за исключением необходимости обеспечения равной ценности политических свобод); также в рамках этой системы основных прав и свобод одни свободы могут сильно ограничивать другие, но в любом случае не должны покушаться на «*центральную область применения*» (central range of application) ограничиваемых свобод (Rawls, 1981, p. 9–13).

Таким образом, Ролз не усматривает оснований для постановки вопроса о сравнении основных свобод по степени их априорной значимости.

По всей видимости, в своих ранних работах Дж. Ролз считает каждую из основных свобод в принципе равнозначной другим, одновременно предполагая две вещи.

Во-первых, по Дж. Ролзу, равная значимость основных свобод, по-видимому, допускается, только если их дальнейшая максимизация при этом невозможна (достигнут оптимум по Парето). Если можно увеличить одни свободы путем уменьшения других так, чтобы общая степень свободы возросла, то, вероятно, это нужно сделать. Правильнее ли было бы сделать это с учетом того, чтобы наименее успешные в реализации свобод люди получили максимум выгоды? Можно было бы также утвердить правило, что развитие должны получать те свободы, которые наиболее выгодны группам, наименее обеспеченным в материальном плане. Однако Ролз подобные правила не утверждает и тем более не обосновывает.

Во-вторых, Дж. Ролз, видимо, полагает, что всем слоям населения уже через реализацию второго принципа справедливости будет обеспечена более или менее реальная возможность (гарантия) пользоваться любой из этих свобод (хотя, конечно, всегда остающаяся неравной). Иными словами, рациональное распределение материальных богатств предотвратит случаи крайнего беззакония (коррупции). Но это выглядит половинчатым решением, так как второй принцип справедливости утверждает не полное равенство возможностей реализации свободы, а только некоторую тенденцию к нему, поэтому возможности реализации свобод для избранной группы могут оказаться значительно больше по сравнению с аналогичными возможностями других лиц. Тогда наименее обеспеченные, вероятно, могут отказаться от своих свобод, которые существуют лишь формально, но на практике нереализуемы, ради большего материального благополучия, так как последнее более осязаемо; первый принцип справедливости будет нивелирован. Ролз не допускает юридической силы подобного решения, но фактически оно может иметь место. С другой стороны, следует признать, что принцип равенства возможностей нельзя обеспечить в полной мере, так как он создает опасность тотального диктата правительства над основными сферами общественной жизнедеятельности.

В более поздней формулировке первого принципа справедливости Ролз находит компромисс, постулируя необходимость обеспечения «достаточно равной» ценности не всех, но только политических свобод, уже в рамках первого принципа справедливости.

Отметим здесь же: утверждение Дж. Ролза, что уменьшение одной свободы допустимо ради большей надежности другой (Ролз, 2009, с. 205, 207, 218), представляется слабо обоснованным. Объем свободы неправильно сравнивать с ее с гарантированностью, в этом вопросе у мыслителя имеет место терминологическая путаница: объем нужно сравнивать с объемом (и это вопрос первого принципа справедливости), а гарантию с гарантией (и это вопрос скорее второго принципа справедливости). В действительности проблема соотношения свободы и безопасности, затушевываемая Ролзом, является чуть ли не центральной для теории справедливости (Pogge, 2013, S. 141 – 142). Даже если мы считаем человека высшей ценностью, то неясно, что лучше для него – свобода или безопасность. Чрезмерный приоритет свободы личности (что свойственно Канту) ведет к очень низкому уровню безопасности общества, а чрезмерная забота о безопасности (что свойственно Гоббсу) чревата абсолютизмом. Немецкий философ права и министр внутренних дел ФРГ В. Майхофер в своей речи от 4 мая 1976 г., ставя указанную проблему, заявлял, что он как либерал придерживается следующей формулы: «В случае сомнения – приоритет свободе, а не безопасно-

сти», и пояснял: «Так много свободы, насколько это возможно, и так много безопасности, насколько это необходимо» (Maihofe, 1976, S. 7–8). (В частности, необходимость запрета экстремизма и терроризма представляется очевидной ради обеспечения хоть каких-то базовых свобод.) Ролз пишет, что безопасность должна обеспечивать в итоге больше свободы, то есть она принимается нами как необходимое (и меньшее из возможных) зло. В последующих работах он высказывается за ограничение основных свобод лишь в случае «очевидной и реальной опасности», пытаясь уже вывести либерализм из «исходного положения», а не заполнять пробелы выводов из «исходного положения» постулированием либерализма (Maihofe, 1976, S. 58–63). По мнению Г. Харта, Ролз использует при решении вопроса о безопасности правило максимина, то есть исходит из того, что люди не готовы к частым прерываниям реализации той или иной свободы ради увеличения степени этой свободы, иными словами, свободы подлежат ограничению тогда, когда их реализация представляется крайне неопределенной (Hart, 1973, p. 545).

Также в более поздних работах («Justice as Fairness: Restatement», «Political Liberalism») Дж. Ролз говорит уже не о максимизации количества равных основных свобод, а об «адекватной системе равных прав и свобод». Первый принцип справедливости в них (с учетом усвоенной автором критики со стороны Г. Харта) выглядит так:

«Каждый индивид имеет равное притязание в отношении полностью адекватной системы равных прав и свобод, совместимой с подобными системами для всех остальных людей; и в этой системе равные политические свободы, и только эти свободы, должны быть обеспечены удовлетворительной ценностью».

Эта формулировка дает ответы на сделанные нами выше замечания: речь здесь уже не идет о максимизации количества свобод (аргументация автора такова: «наилучший» не значит «наилучший»); система прав и свобод должна обеспечивать реализацию людьми их *собственных концепций блага* и развитие *двух моральных сил личности*, а именно способности иметь *чувство справедливости (разумность)* и способности иметь *концепцию блага (рациональность)*, и для этого права и свободы не обязательно должны быть количественно максимизированы (Rawls, 1981, p. 46–49)); главным становится обеспечение только «адекватных» прав и свобод (адекватность определяется уже на более поздних стадиях, после снятия «занавеса неведения»), а также поддержание относительно равной для всех ценности политических свобод. Основные свободы соотносятся между собой (с учетом их фактической роли в развитии «двух моральных сил человека») и в любом случае не могут быть ограничены ради общего благосостояния или личного совершенствования (утилитаристских и перфекционистских взглядов), а также ради свобод, не включенных в перечень основных.

Приоритет первого принципа справедливости (касающегося свобод) над вторым (касающимся распределения благ) Ролз обосновывает следующим образом. В «Теории справедливости» автор постулирует, что у каждого человека есть некоторые фундаментальные (высшего порядка) интересы, которые не могут быть предметом торга, и что во вполне справедливом обществе (ситуация менее справедливого общества не разбирается) у людей вообще отсутствует склонность к излишнему экономическому благосостоянию, так как потребность в статусе и чувство собственного достоинства

удовлетворяются благодаря первому принципу справедливости (Ролз, 2009, с. 469–472). В последующем («The basic liberties and their priority») Ролз писал, что наличие некоторых основных прав и свобод гарантирует стабильность общества и наличие первичного блага самоуважения, а также способствует более успешной реализации членами общества своих целей, в частности такая вообще невозможна без свободы убеждений (совести); эта свобода гарантируется, в свою очередь, свободой слова, прессы, объединений, собраний, представительной демократией и т. д. В целом Ролз использует три типа аргументов, отсылающих соответственно: 1) к защите первичного блага самоуважения; 2) развитию чувства справедливости; 3) процедурной значимости для защиты других основных свобод (Nickel, 1994, p. 775).

Представляется дискуссионной убедительность данных аргументов. Во-первых, обоснованность первого принципа справедливости будет сильно подорвана, если убрать из числа «первичных благ» социальные основы самоуважения. Между тем Ролз не обосновал, почему благо самоуважения является одним из основных и даже, как он говорит, самым важным (Taylor, 2003, с. 249–251). Во-вторых, заслуживает внимания следующее возражение А. Сена: «Почему любое посягательство на свободу, каким бы незначительным оно ни было, должно считаться более важным для человека и общества, чем страдания от жесточайшего голода, эпидемий и других бедствий?» Сен соглашается, что принцип равных свобод должен обладать определенным приоритетом, но указывает, что этот приоритет не должен становиться определяющим (Сен, 2016, с. 384). В-третьих, если мы говорим не обо всех свободах, а только о некоторых, наиболее значимых для реализации тех или иных жизненных планов (и чей приоритет перед благом мы таким образом можем обосновать), то напрашивается вопрос о том, как быть с остальными свободами (относятся ли они к первичным благам, и если да, как их «распределять»?) (Koller, 2013, S. 53–54). Тем не менее убедительным аргументом Ролза в пользу приоритета первого принципа справедливости над вторым является указание на потребность людей в «исходном положении» обеспечить себе в обществе такие условия, при которых они могли бы культивировать, изменять и преследовать свои фундаментальные цели, какими бы те ни были. Как отмечается в литературе, если данная потребность не будет обеспечена, окажется ущемленной сама человеческая рациональность; но тогда, вероятно, приоритет основных свобод может быть временно нарушен для того, чтобы позволить обществу достигнуть не только минимальной стабильности правопорядка, но и такого уровня развития, при котором его члены могли бы осмысленно формировать свои жизненные планы (Taylor, 2003, p. 259–264).

Дж. Ролз утверждает, что свободы, во-первых, должны быть «отрегулированы между собой», чтобы была обеспечена их реализация (значимость конкретной свободы при такой регуляции определяется по ее способности развивать «две моральные силы человека»), а во-вторых, могут быть ограничены, если этого требует первый принцип справедливости (в первой редакции цель — максимизация свобод, во второй редакции цель — соответствие свобод «двум моральным силам человека»).

С точки зрения первого принципа справедливости Дж. Ролз разрешает проблему радикализма и экстремизма. С одной стороны, религия устанавливает абсолютные и безапелляционные нормы, ставящие себя выше всех

остальных. Но воплощение этой идеи легко ведет к религиозному экстремизму. В действительности в «исходном положении» люди пожелали бы свободы совести, поэтому, если человек и дальше желает исповедовать радикальные религиозные взгляды, он, согласно идее справедливости, должен перестать считать себя членом общества и пользоваться любыми социальными благами. Радикальные взгляды подлежат ограничениям и запретам в той мере, в какой они, являясь выражением свободы мысли и слова, ставят под угрозу существование других основных свобод (Ролз, 2009, с. 195). Ролз также обоснованно отвергает позицию Фомы Аквинского о необходимости смертной казни еретиков, позицию Локка о нетерпимости к католикам и атеистам, поскольку названные авторы не смогли доказать, что без наказания еретиков, католиков или атеистов под угрозой оказываются основные свободы (Ролз, 2009, с. 193–194). Подобные вопросы вообще решаются исходя из конкретных фактов, и абсолютные утверждения здесь неуместны. Аналогичным образом Ролз аргументирует допустимость ограничения свободы мысли и слова в отношении агитации за насильственное свержение существующего строя (Rawls, 1981, p. 50–51).

Дж. Ролз отвергает радикальные взгляды Ницше о сверхчеловеке, так как теория справедливости не имеет ничего общего с перфекционизмом. Принятие перфекционизма означает утверждение единого критерия совершенства, но у людей нет его в «исходном положении», ведь таковой означал бы религиозную несвободу. Вместо этого мы должны предоставить равную свободу даже неравным по моральным качествам людям и не должны субсидировать культуру (университеты, театр и пр.) ради ее внутренней ценности (таковое возможно только в рамках воплощения принципов справедливости) (Ролз, 2009, с. 286–291). Автор, однако, не поясняет, почему нельзя оставить общим идеалом априорный категорический императив И. Канта и добиваться его, в том числе (насколько это возможно) путем правовой регламентации базовых социальных институтов. Принятие последней тезиса отрыло бы возможность для культурной и образовательной политики государства при сохранении свободы мысли и слова. Впрочем, Ролз, кажется, мог бы согласиться с изложенной позицией. Ведь и «категорический императив» допускает самые разные цели, будучи лишь их формой. Ученый, например, говорит о фундаментальных добродетелях как о виде тех свойств, которые каждый человек желал бы видеть у каждого в максимальной степени (Ролз, 2009, с. 381–382). По нашему мнению, включение объективных, универсальных нравственных ценностей в правовой идеал вполне допустимо и способно парировать ту критику, которая называет западные либеральные концепции безнравственными. Г. Харт, полемизируя с Ролзом, поднимает, в частности, вопрос об ограничении сексуальной свободы и свободы употреблять алкоголь или наркотики и полагает, что данная проблема может быть решена указанием на возможность ограничения свобод «естественными обязанностями», о которых говорит сам Ролз (Hart, 1973, p. 541–542).

Помимо этого Ролз высказывается за возможность ограничения демократического принципа (принцип участия), утверждая, что политические решения могут принимать только здравомыслящие лица, что иногда правило простого большинства может быть заменено правилом квалифицированного большинства (это выгодно меньшинствам), что правительство должно помогать повышать «ценность свободы» для менее преуспевающих

слоев населения, например «предоставлять деньги для поддержки свободной дискуссии в обществе» и всячески поддерживать честную политическую конкуренцию (Ролз, 2009, с. 202–203). «Даже если на практике при выборе режима избиратели должны иметь решающее слово, то лишь потому, что существует большая вероятность, что правы они, а не правительство, наделенное властью игнорировать их желания» (Ролз, 2009, с. 262). Вероятность же, как известно, изменчива.

Наконец, Дж. Ролз позволяет себе радикальные взгляды, утверждая, что теоретически справедливым может быть и рабство, если его отмена сулит для бывших рабов еще большую несвободу (Ролз, 2009, с. 221). Этот взгляд кажется неестественным, так как рабство предполагает отсутствие всякой свободы и, по мнению многих философов права, вообще не является правом, то есть не может быть оценено с точки зрения справедливости (априори несправедливо). Более того, в других трудах Ролз утверждает, что «там, где применяется концепция справедливости как честности, рабство *всегда* признается несправедливым» (Ролз, 2006, с. 55).

Таким образом, мы видим, что приводимые автором высказывания отчасти нивелируют его же доводы в пользу свободы личности, слова, мысли, совести и политических свобод. С учетом сомнительности идеи постепенного снятия при принятии конституции «занавеса неведения» кажется недо конца обоснованной и его идея о том, что принципы справедливости непременно ведут к конституционной демократии.

Дж. Ролз справедливо признает, что «ничто не подтверждает того, что большинство право» (Ролз, 2009, с. 314). Однако, развивает он свою мысль дальше, «обычно мы предполагаем, что идеальная дискуссия среди индивидов с большей вероятностью приведет к правильному выводу (посредством голосования, если необходимо), чем самостоятельные рассуждения каждого из них» (Ролз, 2009, с. 316). Это суждение следует признать верным с тем замечанием, что речь идет именно об идеальной, а не о реальной дискуссии, так что само по себе оно ничего не говорит в пользу традиционных демократических институтов. На самом деле законодательный процесс в демократическом обществе неизбежно представляет собой борьбу интересов, а не попытку найти наиболее справедливое решение. Тезис Ролза служит оправданием скорее не демократии, а теории справедливости как договора, заключаемого по итогам дискурса. Но очевидно, что если бы каждый человек был полностью рационален и беспристрастен и обладал всей общей информацией, то он пришел бы к точно такому же выводу, что и другие люди при тех же условиях. Необходимость дискуссии между индивидами у Ролза обусловлена лишь тем, что в его «исходном положении» люди хотя и не имеют ограничений на общую информацию, но, по всей видимости, примерно в равной степени ограничены в интеллектуальных способностях и источниках этой информации. Между тем подобные условия, на наш взгляд, не являются необходимой компонентой исходного положения. Так или иначе, нам представляется, что Ролз убедительно демонстрирует относительность ценности демократии.

В заключение отметим, что дискуссии о принципах справедливости, предложенных Дж. Ролзом, не утихают до сих пор. При обосновании этих принципов Ролз ссылается на углубление первоначального интуитивного опыта, однако у всех исследователей этот опыт разный, что и является причиной научных споров. По нашему мнению, Ролз достаточно убедительно



обосновал, что каждый индивид имеет равное притязание в отношении полностью адекватной возможным концепциям блага системы равных прав и свобод, совместимой с подобными системами для всех остальных людей. К числу этих прав и свобод мы склонны отнести не только названные Ролзом, но и права и свободы в области образа личной жизни, семьи, воспитания и рождения детей. Одновременно мы полагаем, что данные права и свободы должны быть совместимы с объективным нравственным идеалом (в чем он заключается и как может быть достигнут средствами права – вопросы, которых мы здесь не касаемся). Следует согласиться с Ролзом, что в этой системе равные политические свободы, и только эти свободы, должны быть обеспечены достаточно равной ценностью, ни одна из свобод не может быть расширена до такой степени, при которой искажается смысл других свобод. Но приоритет, как представляется, должны получать те свободы, которые способствуют развитию чувства справедливости и нравственному идеалу.

### Список литературы

1. Алексеева Т. А. Справедливость как договор (критический анализ теории Джона Роулса) // Проблемы политической философии. М., 1991. С. 69–85.
2. Кузьмина А. В. Идея справедливости в либеральной традиции. М., 1998.
3. Ролз Дж. Справедливость как честность // Логос. 2006. №1 (52). С. 35–60.
4. Ролз Дж. Теория справедливости. М., 2009.
5. Сен А. Идея справедливости. М., 2016.
6. Фролова Е. А. Категории справедливости, необходимости и долженствования при исследовании социальных отношений в философии неокантианства // Право и государство: теория и практика. 2012. №10. С. 112–121.
7. Фролова Е. А. Правовой идеал в философии права // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2011. №5. С. 68–81.
8. Хёффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М., 1994.
9. Bae Y.-S. Balancing Equality and Liberty in Rawls's Theory of Justice: Master's Thesis. University of Tennessee, 2002.
10. Barry B. John Rawls and the Priority of Liberty // Philosophy & Public Affairs. 1973. Vol. 2, № 3. P. 274–290.
11. Hart H. L. A. Rawls on Liberty and Its Priority // University of Chicago Law Review. 1973. Vol. 40, iss. 3. P. 534–555.
12. Höffe O. Kritik der Freiheit. Das Grundproblem der Moderne. München, 2015.
13. Koller P. Die Grundsätze der Gerechtigkeit // John Rawls: Eine Theorie der Gerechtigkeit / hrsg. von O. Höffe. Berlin, 2013. S. 41–64.
14. Maihofer W. Freiheit und Sicherheit im Rechtsstaat // BMI-Dokumentation. 1976. №. 19.
15. Nickel W. J. Rethinking Rawls's Theory of Liberty and Rights // Chicago-Kent Law Review. 1994. Vol. 69 (Apr.). P. 763–785.
16. Oliveira N. F. de Rawls's Normative Conception of the Person: A Kantian Reinterpretation // Veritas. Porto Alegre, 2007. Vol. 52, № 1. P. 171–183.
17. Pogge T. Gleiche Freiheit für alle? // John Rawls: Eine Theorie der Gerechtigkeit / hrsg. von O. Höffe. Berlin, 2013. S. 135–152.
18. Rawls J. The basic liberties and their priority (The Tanner Lectures on Human Values). Michigan, 1981.
19. Sandel M. Political liberalism (Book Review) // Harvard Law Review. 1994. May. P. 1765–1794.
20. Taylor R. S. Rawls's Defense of the Priority of Liberty: A Kantian Reconstruction // Philosophy & Public Affairs. 2003. Vol. 31, № 3. P. 246–271.

## Об авторе

Николай Александрович Шавеко, кандидат юридических наук, научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права Уральского отделения РАН, Россия.

E-mail: nickolai\_91@inbox.ru

## SOME ASPECTS OF JOHN RAWLS'S FIRST PRINCIPLE OF JUSTICE

N. A. Shaveko

The article considers the first of the two principles of justice proposed by the American philosopher John Rawls as universal principles that would be chosen by every reasonable and rational person in an 'original position'. The work analyses the problematic aspects of the principle's formulation (the vagueness of the list of key rights and freedoms and the value criterion for ranking them) and of the methods used by Rawls to overcome them in the works published after the acclaimed book *A theory of Justice*. The author addresses the problem of the correlation between freedom and security and argues that it was not studied sufficiently by Rawls. It is stressed that the absolute priority of the first principles of justice over the second one, which was declared by Rawls, is debatable. Disparate variations of the relative priority rule seem more convincing. The author gives a generally positive assessment of the improved formulation of the first principle of justice and emphasises that the principles of justice must take into account moral principles. Moreover, rights and freedoms should include those relating to personal and family lifestyle, childbirth and parenting and priority should be given to those freedoms that contribute to the development of the feeling of justice and the realisation of the moral ideal. It is concluded that Rawls demonstrated convincingly the relative value of democratic institutions.

**Key words:** Rawls, theory of justice, principle of equal liberties, liberalism, human rights, democracy, freedom and security.

## References

1. Alekseeva, T. A. 1991, Spravedlivost' kak dogovor (kriticheskii analiz teorii spravedlivosti Djona Roulsa) [Justice as contract (critical analysis of the John Rawls' theory of justice)], in: *Problemy politicheskoi filosofii [Issues of political philosophy]*. Moscow. S. 69–85.
2. Kuzmina, A. B. 1998, *Ideya spravedlivosti v liberal'noi tradicii [Idea of justice in liberal tradition]*. Moscow.
3. Rawls, J. 2006, Spravedlivost' kak chestnost' [Justice as fairness] // *Logos [Logos]*. No. 1 (52). S. 35–60.
4. Rawls, J. 2009, *Teoriya spravedlivosti [A theory of justice]*. Moscow.
5. Sen A. 2016. *Ideya spravedlivosti [The idea of justice]*. Moscow.
6. Frolova, E. A. 2012, Kategorii spravedlivosti, neobhodimosti i dolzhenstvovaniya pri issledovanii sotsial'nyh otnoshenii v filosofii neokantianstva [Categories of justice, necessity and duty by the study of social relations in the neo-Kantian philosophy], in: *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and State: Theory and Practice]*. No. 10. Pp. 112–121.
7. Frolova, E. A. 2011, Pravovoi ideal v filosofii prava [Legal ideal in philosophy of law], in: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo [Moscow State University Bulletin. Part 11. Law]*. No. 5. S. 68–81.
8. Höffe, O. 1994, *Politika. Pravo. Spravedlivost'. Osnovopolozheniya kriticheskoi filosofii prava i gosudarstvo, [Policy. Right. Justice. Basic principle of the critical philosophy of law and state]*. Moscow.
9. Bae, Y.-S. 2002, *Balancing Equality and Liberty in Rawls's Theory of Justice*. Master's Thesis, University of Tennessee.

10. Barry, B. 1973, John Rawls and the Priority of Liberty, in: *Philosophy & Public Affairs*. Vol. 2. N 3. P. 274–290.
11. Hart, H.L.A. 1973, Rawls on Liberty and Its Priority, in: *University of Chicago Law Review*: Vol. 40. Iss. 3. P. 534–555.
12. Höffe, O. 2015, *Kritik der Freiheit. Das Grundproblem der Moderne*. München.
13. Koller, P. 2013, Die Grundsätze der Gerechtigkeit, in: *John Rawls: Eine Theorie der Gerechtigkeit*. Hrsg. von Otfried Höffe. Berlin. S. 41–64.
14. Maihofer, W. 1976, *Freiheit und Sicherheit im Rechtsstaat*. BMI-Dokumentation, Nr. 19.
15. Nickel, W.J. 1994, Rethinking Rawls's Theory of Liberty and Rights, in: *Chicago-Kent Law Review*. Vol. 69. P. 763–785.
16. Oliveira, N. de 2007, Rawls's Normative Conception of the Person: A Kantian Re-interpretation, in: *VERITAS Porto Alegre*, v. 52, n. 1. P. 171–183.
17. Pogge, T. 2013, Gleiche Freiheit für alle? In: *John Rawls: Eine Theorie der Gerechtigkeit*. Hrsg. von Otfried Höffe. Berlin. S. 135–152.
18. Rawls, J. 1981, *The basic liberties and their priority (The Tanner Lectures on Human Values)*. Michigan.
19. Sandel, M. 1994, Political liberalism (Book Review), in: *Harvard Law Review*. May 1994. P. 1765–1794.
20. Taylor, R.S. 2003, Rawls's Defense of the Priority of Liberty: A Kantian Reconstruction, in: *Philosophy & Public Affairs*. Vol. 31. No. 3. P. 246–271.

#### The author

Dr Nikolay **Shaveko**, Research Fellow, Udmurtia branch of the Institute of Philosophy and Law, the Urals branch of the Russian Academy of Sciences, Russia.  
E-mail: nickolai\_91@inbox.ru